

СОЗДАНИЕ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ НА ОСНОВЕ МЕТОДА СБОРА УСТНОЙ ИСТОРИИ

Представлено использование метода сбора устной истории при работе над тремя авторскими книгами: «За колючей проволокой Урала»; «Лев Вейберт: офорт судьбы»; «Синара: поединок с новым веком». В каждом издании аккумулированная информация является основой для создания текстов-первоисточников или дополнением к документальным, отражающим события и биографии людей в новейшей истории.

Ключевые слова: *первоисточник, первичные источники, устная история, интервью.*

N. Paegle

CREATION OF PRIMARY SOURCES OF THE NEWEST AGE BASED ON THE METHOD OF ORAL HISTORY COLLECTION

The author presents the use of the method of oral history collection during the work on three author's books: "Behind the Ural barbed wire", "Lev Veybert: etching of doom", "Sinara: duel with new age". The information, gathered in these books, is a foundation for creation of text primary sources or an addition for documents that reflect events and biographies of people in the newest age.

Key words: *primary sources, original sources, oral history, interview.*

Если в поисковике «Яндекс» ввести запрос «устная история», то можно прочитать: «Устная история – по определению историка, академика РАО Сигурда Шмидта, “практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами”». С одной стороны, определение устной истории Сигурдом Оттовичем Шмидтом, нашим современником, ушедшим из жизни только в 2013 г., было дано сравнительно недавно, в 1991 г. [Шмидт, с. 262]. Считается, что и в США начало устной истории было положено в XX в., и связано

это с деятельностью американского журналиста Джо Гулда в 1940-е гг., который работал над огромной книгой «Устная история нашего времени», полностью составленной из записи рассказов разных людей. С точки зрения истории, это явления одного периода. С другой стороны, нельзя считать, что до XX в. устной истории не существовало вообще. Все мы знаем о том, что из поколения в поколение, даже на бытовом уровне, передавались и передаются истории, связанные не только с судьбами людей, но и с историческими событиями. Видимо, здесь дело не в подходе, а в оценке, когда устную историю стали считать научным методом.

В России одним из первых устных историков считают литературоведа и архивиста Виктора Дмитриевича Дувакина, который начал собирать аудиозаписи в 1967 г.: он записывал людей, знавших поэта В. Маяковского. Впоследствии тематика записей значительно расширилась: он записал на магнитную пленку беседы с более чем 800 респондентами о профессорах МГУ, их работе в университете, научной жизни. В 1991 г. на основе его коллекций в структуре Научной библиотеки МГУ был создан раздел устной истории [Дувакин]. Другой пример научно-исследовательской работы в области устной истории – создание коллекции интервью с ветеранами Великой Отечественной войны в рамках интернет-проекта Артема Владимировича Драбкина «Я помню» и серии книг «Я дрался...» [Драбкин]. Лично мне в плане устной истории очень импонирует книга и фильм «Подстрочник» о жизни Лилианы Лунгиной, рассказанной ею в фильме Олега Дормана. Как сказано в предисловии к книге: «“Устная книга”, расшифровка рассказа на телекамеру для одноименного фильма» [Лунгина, с. 5].

С конца 1980-х гг. я тоже начала заниматься сбором устной истории, сначала – в силу своей профессиональной деятельности. Я профессиональный журналист, и жанр интервью в те годы в газете был востребован и популярен, хотя и являлся одним из нелегких, так как предполагает общение журналиста с интервьюируемым, а люди все разные, и не все и не всегда охотно идут на контакт. Но в рабочих буднях оттачивается ремесло.

В те годы я жила на Северном Урале, где в ходе своей редакционной деятельности ездила в отдаленные поселки лесозаготовителей, встречалась с людьми, которые называли себя спецпереселенцами или потомками раскулаченных. Так возник мой личный интерес к теме по-

литических репрессий 1930–1950-х гг. В результате пятнадцатилетних исследований, в основе которых лежал сбор устной истории, я издала трехтомник «За колючей проволокой Урала»: книги выходили в 2004, 2006, 2008 (переиздание), 2010 гг. Первые два тома посвящены жертвам политических репрессий 1930–1940-х гг., а третий – жертвам тоталитарного режима и поколению Второй мировой войны.

В книгах описано более 100 судеб людей, переживших политические репрессии: раскулачивание, ссылку; преследование по классовому признаку; депортацию, трудармию; арест и осуждение по 58-й статье, лагерь; преследование по национальному признаку; плен и лагерь после плена; побег с места поселения и каторгу; преследование за инакомыслие. Самые разные люди в социальном и в национальном плане. Чаще всего они впервые рассказывали журналисту об этой страшной странице своей биографии. Хочу подчеркнуть слово «впервые», которое определяет понятие «первоисточник».

Прежде чем привести для примера устные истории из жизни моих героев, хочу процитировать члена Союза писателей России, поэта и члена Уральского историко-родословного общества Вадима Осипова, написавшего в предисловии к третьей книге следующее: «Исследование новейшей истории, пожалуй, одно из самых трудных научных занятий, поскольку слишком часто попытки добраться до исторической истины наталкиваются на сопротивление тех сил, которым эта истина, что называется, поперек горла. Но бывают периоды, когда историческая обстановка меняется так быстро, что еще живы свидетели событий, совсем недавно погруженных в тайну и заговор молчания, а общество уже готово к восприятию связанных с ними порою чудовищных фактов.

И в этот момент так важно собрать свидетельства очевидцев и участников событий, которые совсем недавно стали достоянием истории – ведь они уходят один за другим. Метод устной истории, связанный со сбором воспоминаний, биографических подробностей, личного осмысления пережитого, является в этом отношении источником ценнейших сведений» [Паэгле, 2010, с. 5].

В этой цитате отражена та историческая ситуация, сложившаяся в 1990-х гг., когда интерес к теме политических репрессий был чрезвычайно велик, когда были открыты архивы и впервые обнародованы

многие неизвестные в то время факты. Не говоря уже о том, что прошла вторая после 1950-х гг. волна реабилитации.

А теперь обратимся к примерам устной истории, собранной и переработанной в очерки, опубликованные в книгах «За колючей проволокой Урала».

Интервью с Ульяной Лаврентьевной Чернышевой, урожденной Колос, я записывала в 2007 г., когда она находилась в доме престарелых в Серове. Ей было 100 лет. Но у нее была прекрасная память. Иногда о каких-то явлениях рассказывала с точки зрения того времени, когда о них узнала: «Из нашего поселка высылали в Мурманск, всех людей на пароход посадили, ну это поезд водяной, с детьми вместе так все под воду и ушли» [Паэгле, 2008, с. 16–17].

Выслали ее семью в 1931 г. после раскулачивания из Украины, из-под Житомира, из села Новое Поле. Вот как она об этом вспоминает: «Сразу после Троицы выслали. А ведь нас не должны были выселять. Тех, кто намечены были, не выслали, у них деньги были, они дали за это деньги, лодырям этим и комсомолам. Так они нас вместо них погнали, а мы ведь не намеченные на высылку были. Ох, и время было колотное, ничего не поймешь, судили, убивали, стреляли эти комсомолы всех» [Там же].

Иные подробности вспоминаются ею до мелочей: «Пришли и забрали коров – красную, пеструю и черную. Мы плакали: “Бедненькие, голодные теперь будете!”, а комиссары пришли и забрали. Главное-то, пеструю как жалко было. У нее самой слезы катились» [Там же].

Или вот как она объясняет истинную, на ее взгляд, причину выселения: «За Бога-то нас и выслали, что в церкву ходили, шесть дней работали, а в воскресенье отдыхали. За Бога тогда садили, убивали. Кто тогда царем работал? Марина, ты не помнишь? Ну, як его, грузин что ли?» [Там же, с. 19]. Вот такое незамысловатое представление о Сталине сохранилось у моей собеседницы. Ее устная речь сохранила особенности наречия, на котором говорили в годы ее детства и юности на ее родине.

Это же характерно и для другой моей героини, Марии, дочери Стасиса, из очерка «Родина моя, где ты». «Мария дочь Стасиса» – так записано ее имя во всех документах в Литве. Ее выслали из Литвы в 1946 г. Эшелон пришел на Северный Урал. Мария Казлаускене всю оставшуюся жизнь прожила в пос. Черемухово Североуральского района. Я ее запи-

сывала в 2008 г., когда ей было 96 лет. А она не только хорошо говорила, но и пела песни на родном языке. Ее воспоминания о войне – это рассказ о непонятном для нее противостоянии, о русской девушке Полине, которую она вместе с мужем спасла из концлагеря, о смерти брата, о потере сына: «Ой, мой двоюродный брат один ушел в армию, а другой не пошел. Он пошел к соседу через лесок, его увидели и стреляли, он упал. Его куда-то не возили, не валяли по грязи, отдали нам коронить. Мы коронили, музыкант хороший был. Играл он ему карашо. Война, война бил!» [Там же, с. 438].

А вот о том, как взяли из концлагеря русскую девушку Полину: «Полина моя здесь спала, сколько котела, сколько котела кушала, я ее жалела. Отец шел со скатином смотреть, а она пусть поспит. Рано не надо вставать, и ей не дали работать тяжело. Пятнадцать лет ей было. Отец ее на танцы водил, ресторан посмотреть» [Там же, с. 438–439]. И о том, как их высылали: «Ни за што ведь. Пришли... Мороз. Колодно. Уже февраль бил. Этот старший пацанок у меня бегаёт, он простыл, сил у него не было. Закричал. Открыли двери... Ой, господи, господи! Че видели, то видели, не забуду никогда... И гнали нас ваши люди пешком, гнали в вагоне. У меня в вагоне было всяко барахло, мой младший сыночек Винцас был завернут и накрыт скатертью, а солдат, который охранял нас, не увидел и сел на него. Открыли... мертвый. Он был 1945 года рождения, год с небольшим ему было. Вынесли его. На шпалы положили, так оставляли всех умерших в дороге...» [Там же, с. 439–440].

Еще один пример жительницы села Полуночное Ивдельского района Антонины Михайловны Ванюшовой. Была в 1935 г. выслана из Ленинградской области в пос. Пристань, который находился на самом берегу р. Лозьвы. Интервью с ней состоялось в 2008 г., ей было 92 года: «Время-то смутное было, после убийства Кирова. Сергей Миронович красивый был. Я видела его гроб на вокзале, когда его перевозили. Вот и началось, выгоняют утром женщины коров, и по заплаканным глазам друг друга видят, чьих мужиков ночью забрали. Одного, другого, третьего. Говорили “черный ворон” ночью приезжал. У нашей сватьи муж ушел на работу и пропал. Нет как нет. Все боялись. Мы тоже. И дождались, вышел указ об очистке погранполосы вдоль Ленинграда, а мы – дети торговца, хоть и умершего двенадцать лет назад. Маму успели преду-

предить о ссылке. Пришли к нам, сделали обыск, приказали собираться. Разрешили взять с собой два мешка картошки, и, сколько могли унести, вещей. Ой, ведь, ни-и-и за что. Дескать, ваше черное прошлое смывайте. “За отцовское наследство расплачивайтесь!” А какое у меня прошлое? Школа, да, ФЗО, где я так хорошо училась» [Паэгле, 2010, с. 31]. Антонина Михайловна обладала прекрасной памятью. Читала наизусть стихи А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, цитировала произведения А. И. Солженицына.

Прежде чем перейти к проблемам, с которыми сталкиваешься в ходе сбора устной истории, я хотела бы процитировать доктора исторических наук Виктора Михайловича Кириллова, с которым сотрудничала много лет в разных проектах. Цитата взята из послесловия к одной из частей третьей книги: «В связи с особенностями ее [Паэгле. – Н. П.] работы, следует отметить специфику применяемого исследовательского инструментария. Большинство отечественных историков предпочитают иметь дело с документами архивов и не проникают в мир повседневной жизни обычного человека. Этот недостаток призван компенсировать метод “устной истории”, воссоздаваемой через совместную работу исследователя и респондента – современника событий прошлого.

Совсем иное дело – живой носитель информации о прошлом с его характером, предпочтениями, психологическими комплексами, болезнями, деловой и семейной занятостью, тайнами личной жизни. Тут без таланта и опыта профессионального журналиста исследователю не обойтись. А когда такой журналист имеет явную склонность не просто отражать современную повседневность, а увидеть ее объективную историческую ретроспективу – мы имеем дело с уникальным явлением» [Там же, с. 383–384].

В приведенной цитате отражается целый спектр проблем.

Во-первых, люди не любят рассказывать о своей жизни постороннему человеку. Тем более люди, пережившие трагедию. Только в пяти случаях из ста на просьбу рассказать историю своей семьи собеседники откликаются сразу. Поэтому своего будущего героя нужно к себе расположить. Как? Вникать в рассказы своих собеседников, интересоваться всем, что интересно им самим: слушать о детях и внуках, смотреть фотографии и хвалить внуков, слушать про огород и помидоры, пить чай

с пирогами. Только так человек сможет довериться и раскрыться новому собеседнику. И неизвестно, сколько времени понадобится, чтобы журналист узнал все то, за чем пришел.

Во-вторых, степень доверия тому, что рассказывается. Психологический аспект: как правило, воспоминания сопровождаются эмоциями, которые нельзя изобразить искусственно. Люди плачут, искренне радуются каким-то деталям, сопровождающим их в детстве, невольно вздыхают. По эмоциональным переживаниям можно понять степень искренности собеседника.

Однако полагаться только на этот фактор нельзя. И тогда на помощь приходят другие аргументы. Например, документы: справки о выселении, справки о реабилитации, свидетельства о смерти, письма, фотографии, рисунки. Документальный источник, как правило, легко подтверждает устную историю. Также артефакты: кладбище с типичными захоронениями, бараки спецпереселенцев, поселки раскулаченных, вещи, привезенные с собою в ссылку из родных мест, и т. д.

В 2003 г. мною в г. Карпинске на средства гранта, полученного от благотворительного фонда «Точка опоры», был создан Центр по сбору устной истории, в состав которого вошли школьники и учителя, музейные работники городов Северного Урала. Главная цель деятельности Центра заключалась в организации экспедиций со школьниками с целью сбора устной истории о развитии края, возникновении поселков спецпереселенцев и лагерей в ходе политических репрессий. Центр действовал до 2010 г., вплоть до моего отъезда с Северного Урала. Результатами работы Центра стали исследования школьников и их публикации, проведение региональных конференций.

Тема политических репрессий – сложная, неоднозначная. Поэтому на протяжении всего трехтомника я обращаюсь к мнению историков, писателей, поэтов, журналистов, общественных деятелей, и первому предоставляю слово глубокоуважаемому мною человеку, с которым мне посчастливилось встретиться в жизни, историку, академику Сигурду Оттовичу Шмидту. Интервью с ним в «Предисловие» я вынесла не случайно. В этой беседе мы обсуждаем ключевые темы, нашедшие дальнейшее развитие на страницах третьей книги. Его рассказ о дружбе с великим Дмитрием Сергеевичем Лихачевым тоже является образцом устной

истории, записанной мною и бережно воспроизведенной в книге. Мы встречались с Сигурдом Отговичем в Узком, под Москвой; символично то, что там же он встречался и с Дмитрием Сергеевичем: «В те дни нашего общения его будущие воспоминания, возможно, тогда уже написанные, я просто не знаю, но не опробованные на аудитории, в какой-то мере Дмитрий Сергеевич опробовал на мне. Беседы у нас проходили таким образом, что в каких-то темах я ему, что говорится, поддакивал, а так был его слушателем. Шел 1986 год.

Бесспорно, что Дмитрий Сергеевич очень много сделал для национальной культуры. Он сочувствовал и краеведению, я был на премьере фильма “Земля Соловецкая” с его участием, и был еще фильм с моим участием о нашей школе. В моей долгой жизни это один из самых обогащающих меня даров общения: с отцом в силу моего рождения и Дмитрием Сергеевичем – дружбой, подаренной судьбой» [Там же, с. 21].

Не менее важно и то, что завершает третью часть третьей книги «Покаяние» и сборник в целом интервью с художником Юрием Викторовичем Калмыковым, и это не только дань традиции: две предыдущие книги композиционно построены так же, – но, прежде всего, закономерное, логическое завершение темы, которой я отдала пятнадцать лет творческой деятельности. Разговор с художником посвящен проблеме всеобщего покаяния, сохранению в человеке человеческого, в государстве – национальной идеи, в культуре – духовности, на земле – мира. Это главный итог, ради которого я писала свои книги и о котором вот так говорит историк Виктор Кириллов: «В завершение одного из повествований звучат слова Н. Паэгле: “Поет Олег Погудин, и понимаешь, что слова романа определяют сущность того, для чего некоторые люди живут на свете. Некоторые – это многие миллионы, которые родились и призваны жить именно ради того, ради чего написано большинство романсов – любви и счастья”. В этих словах нам видится смысл созидаемого Н. Паэгле художественного полотна. Ее цель – не очередной панегирик борьбе, трудностям и свершениям во имя индустриальной, имперской мощи российского государства, а обращение к смыслу пребывания человека на земле, ради которого он был сотворен Богом» [Там же, с. 383–384].

Авторская книга «Лев Вейберт: офорт судьбы» была написана по заказу Международного союза немецкой культуры и издана ЗАО «МСНК-

пресс» в 2011 г. Лев Вейберт – знаковая фигура в искусстве российских немцев, первый офортист Урала, о котором мало было известно до выхода этой книги. В основе рассказа о судьбе художника – семейный архив, предоставленный для работы дочерью художника Натальей Бакановой. Но этот рассказ не был бы полным без интервью, взятых мною у друзей Льва Павловича, его учеников и коллег по творческому цеху. Эти воспоминания, которые тоже являются устной историей, создали образ интересного человека и состоявшегося художника, внесшего большой вклад в развитие офорта на Урале. Вот как рассказывал о нем член союза художников СССР Виталий Михайлович Волович: «Лева был трудолюбив, по-немецки пунктуален и аккуратен – великое благо при работе над офортами, и это особенно важно при работе с кислотой. Он был прекрасный технолог, точен, даже педантичен в организации процесса. <...> Он любил, чтобы все вокруг него было правильно. Он даже одевался хоть и бедно, но обязательно чисто и с галстуком. Был человеком светлым, казалось, что его все в жизни устраивает» [Паэгле, 2011, с. 63].

Поскольку других источников, содержащих информацию о подходе Льва Вейберта к искусству офорта, нет, то данные воспоминания можно считать созданным первоисточником. Так же, как и воспоминания о нем художника Александра Степанова, лично знавшего Льва Павловича: «У него не было унылости в работах. Создание романтично-сказочного образа – это у него было концептуально. Мы с ним как-то беседовали на эту тему, и он излагал мне свою концепцию, сейчас я дословно передаю его терминологию: “Надо, чтобы в работе обязательно было хотя бы маленькое чудо. Если нет чуда, нет работы”. И он действительно искал какой-нибудь приемчик. То, что привлекало, создавало притяжение» [Там же, с. 83]. Эти цитаты из воспоминаний современников Л. П. Вейберта рождают новый первоисточник о концептуальном подходе художника к искусству.

Другой источник новейшего времени, созданный на основе метода сбора устной истории, – авторская книга о Синаре, заказанная Трубною металлургической компанией [Паэгле, 2014]. Особенность этой книги в том, что она практически вся построена на интервью. Работа над любым изданием начинается с концепции. В данном случае концепция должна была отвечать запросу заказчика о создании истории Синарского трубного завода в период его перехода к рыночной экономике, то есть

освещать десятилетие с 2004 по 2014 г. Музей истории завода не располагал первоисточниками этого периода. Даже многотиражная газета «Синарский трубник» перестала в то время выходить в прежнем формате, как многотиражка, а стала корпоративным изданием, политику которого диктовала корпорация. После того, как мною была разработана концепция некоего противостояния человека и времени, очень сложного в социальном и экономическом плане, вместе с заказчиком было принято решение собрать историю завода за конкретное десятилетие, обратившись непосредственно к очевидцам и участникам событий этого периода – к тем, кто работал на заводе.

В итоге содержание книги построено на интервью с руководителями предприятия высшего и среднего звена, рабочими, молодыми специалистами, ветеранами, работниками социальной сферы. Кроме того, были использованы приказы по заводу, программы развития и другие производственные документы. В результате создан новый первоисточник о конкретном периоде времени. Вот один из характерных примеров воспоминаний специалиста, начальника технического отдела Александра Игоревича Грехова: «Помню, доходило до того, что все склады заготовок были выметены под метелку. Ни одного килограмма заготовки не было. И не было денег, чтобы ее купить. И у потребителей не было денег на трубу. Начались взаимозачеты, бартер. Любыми правдами и неправдами доставили заготовку, любыми правдами и неправдами пытались ее купить за все, что угодно – за водку, баклажанную икру. Горбушу с икрой и без икры, за мебель. При этом начинается налоговый пресс» [Паэгле, 2014, с. 14].

Интервью, как и сам процесс сбора устной истории, трудозатратно. Сначала нужно разговаривать человека, о чем упоминалось ранее в статье, а люди производства в этом плане еще более сложные, чем, например, творческая интеллигенция или люди преклонного возраста. Люди производства нацелены на решение конкретных задач, и рассказывать о том, как они это делают, они, как правило, не умеют. А когда расскажут, автор напишет текст и принесет им на вычитку, им кажется, что они такого не говорили. Включаются личные страхи и комплексы: а как меня воспримут после сказанного, что мне за это будет? В итоге беседа, уже однажды расшифрованная, что само по себе является трудоемким процессом, об-

работанная, написанная, может быть не принята тем, кто давал интервью. В таком случае идет новая запись или материал перерабатывается.

Несмотря на всю сложность работы с людьми, информация, полученная от них и оформленная в текст, – бесценный первоисточник, так как он отражает субъективные и объективные процессы, характерные для того или иного времени, для состояния общества и отдельной личности в этот период.

Драбкин Артем Владимирович. Текст : электронный // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/576972> (дата обращения: 13.06.2019).

Дувакин Виктор Дмитриевич. Текст : электронный // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дувакин,_Виктор_Дмитриевич (дата обращения: 13.06.2019).

Лунгина Л. З. Подстрочник : жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. Москва : Corpus, 2009. 384 с.

Паэгле Н. М. За колючей проволокой Урала : посвящается жертвам политических репрессий 30–40-х годов. Кн. 1. Изд. 2-е, доп. Екатеринбург : Чароид, 2008. 472 с.

Паэгле Н. М. За колючей проволокой Урала : посвящается памяти жертв тоталитарного режима и поколению Второй мировой войны. Кн. 3. Екатеринбург : ИП Лисицына, 2010. 452 с.

Паэгле Н. М. Лев Вейберг: офорт судьбы. Москва : МСНК-пресс, 2011. 126 с.

Паэгле Н. М. Синара. Кн. 2 : Поединок с новым веком. 2004–2014. Екатеринбург : Автограф, 2014. 256 с.

Шмидт С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма : тезисы докладов и сообщений. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского, Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. Москва : МГИАИ, 1991. 280 с.